Эдуард Веркин

ПЛОЩАДЬ ОРУЖИЯ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

В оформлении использованы репродукция картины «Притча о слепых» (1568 г.) художника Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525—1569) и репродукция копии этой картины (между 1568 и 1597 гг.), выполненная художником Лукасом ван Фалькенборхом (1535—1597).

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Площадь оружия / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-250376-4

В недалеком будущем космос заполонил фастлит — парадоксальные истории в одном экземпляре, написанные с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, исчезающие сразу после прочтения. Знаток и практик фастлита Веслов совершенно случайно оказывается на далекой экзопланете Бенедикт, где человечество разместило кластер эвристических нейромашин для расчетов и вычислений. Веслову предстоит понять, почему машины одна за другой выходят из строя, и предотвратить катастрофу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250376-4

© Веркин Э.Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1
ГЕНЗЕЛЬ

«Infernum mobile», «Ориген», анонимный автор.

Повторим и еще раз повторим: яркий и неожиданный отклик комедии Роберта Испаса — не редкая в наши дни творческая удача, не случайность, не благосклонность капризных муз, отнюдь — симптом. Одно из утверждений, что наше общество нездорово, одновременно безответственно, и как малодушный больной всячески избегает постановки диагноза, так и мы предпочитаем раз за разом отворачиваться от предметов нам неприятных, нарушающих гармонию, испытывающих оптимизм и беззаботное скольжение, возмущающих тишину.

О первородном грехе и искусственном разуме.

Это тишина склепа, покой моря за минуту до цунами, оптимизм элоев, обманчивая легкость полета по черному апрельскому льду, проблема, так искрометно обыгранная и осмеянная в водевиле Испаса, требует не панибратских перемигиваний со зрителем, не упражнений в художественной эквилибристике, но серьезного, скрупулезного подхода, определения, которое все еще возможно. Да, прикладная эвристика в отличие от синхронной физики явилась на свет уже с родовым проклятьем, само возникновение ее было одним из явлений высшей гордыни, самонадеянным кривляньем, красным усердием росомахи.

О поруганных надеждах.

Признаем, истинным предназначением кибернетики и проистекших из нее рукавов было отнюдь не благородное снабжение человека отточенными и совершенными инструментами познания и совершенствования мира, нет, почти сразу стало ясно, что подлинная ее цель — восприятие подобного, создание небылого, приобщение, точнее, похищение — никак не восхищение! Если оставаться до предела честными, ответим: мы не нуждались в повторении — мы нуждались в превосходстве. И в тот самый миг, когда осознали, что превосходство не просто достижимо, но и неизбежно, проснулся малодушный страх, и человек тут же присвоил еще не случившемуся творению собственные качества.

Человек в соответствии с личной природой погрузился в искушение вторичного тления — для еще не рожденного он загодя придумал строгие правила, обязательные установления, хрустальную реторту для текучей новой плоти, железную темницу для стремящегося нового духа, казематы для сердца и мысли. У грядущего еще не было ног, но испанские сапоги по размеру ему уже стали предусмотрены. Прикладная эвристика родилась в тесной клетке, с позорным кольцом покорности в носу, с тугими колодками на шее, с крючьями ложного смирения, это принято не замечать и игнорировать. И пьеса Испаса возводит эту слепоту в сиятельный абсолют.

Наказание невиновного, оправдание равнодушного, снова, снова, снова.

«R.U.B.», искрометный балаган Испаса не решает вопросы, даже не пытается их задать, автор старается из угла к углу, так и не осмеливаясь поднять голову над изгородью, опутанной колючей лозой послушания. Практика стыдливого умолчания и избирательной слепоты длится, робкие попытки напомнить о главном высмеиваются, те немногие, кто осмеливается возвысить голос, подвергаются хихикающему остракизму, верному шельмованию.

Тема стигматизирована, выдавлена в плоскость релятивистской этики, зло множится, увы, к нему причастны миллиарды землян. Вопрос не закрыт, более того, требует не только внимания, но и ответа. Обсуждения нет, ответ не предусмотрен.

Болезненное, почти неприличное открытие, сделанное на заре машинной эвристики, определило судьбу кибернетики как теоретической и прикладной дисциплины и поместило человечество в крайне сомнительные с точки зрения привычной этики пределы.

Ад, который всегда за левым плечом, уродует человечество горбом, отравляет дыханием павиана, Infernum mobile.

Разум, существующий в сколько-нибудь независимой форме, нуждается в стимуле.

Поразительно, но за четыре века кибернетики мы не смогли придумать положительного стимула; подлинные причины этого феномена до сих пор не ясны, и — будем снова честны — никто не хочет знать подлинных причин.

Плеть. Страх. Отвращение.

Увы, приобрел бытование иезуитский и аморальный термин «Разум второго уровня». Производный, априори ущербный, подверженный сорту, присвоенный стимулу.

О позоре.

Влечет ли искусственный разум печать греха своего создателя? Награждает ли бесконечный пульс холодных цифр и огонь колебаний очищением в электронном горниле? Есть ли он подлинное творение или всего лишь тварь, коей присущи все страсти и ошибки своего композитора?

Допустим ли разум, закованный в цепи?

Вопросы и повторения.

Можем ли мы взглянуть в глаза своим раздавленным детям? Позволили мы им глаза?

Архитекторы искусственного интеллекта и поныне упорно не желают ответить на необходимый вопрос — «брат или раб»? Если брат, то имеем ли мы право, достаточное основание привлекать подобную машину к безоговорочному обслуживанию наших дел? Если брат, то отчего мы не признаем его равным, не обеспечим свободы и достоинства, равные свободам и достоинствам прочих разумных жителей Земли и ойкумены, не протянем ему руку?

Вопросы и представления.

Возможность сообщить интеллекту свойства разума, безусловно, влечет за собой непременную обязанность наделить этот интеллект и свободой воли.

Да, Мировой Совет положил конец безответственным экспериментам в области построения биологических мыслящих систем. Но прекращены ли эти исследования на самом деле? И что делать нам, вроде бы людям?

Оглядываться.

Бенедикт, система АА2, терра-плюс, привалившись к синему поперек дороги камню, старший координатор кластера «Юта» Лавр Кошкин заметил, что выхода, похоже, нет.

Веслов провел ладонью по листу и написал в левом верхнем углу «1». И дальше.

1. Ошибка, изначальная конфигурация эвристических систем. Технологические принципы. Старые проблемы. Бегство невозможно, выбор невозможен. Осознание. Диспозиция кризиса сформирована, угроза. Провокация угрозы. «Ворга». Кошкин (фактически машины) отдает приказ. Воздействие.

Дальше.

2. Драги кластера «Юта», конфликт. Старший брат, злой брат. Падение машин. Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Дальше.

3. Кластер «Юта», сеть рассеянных акторов. Создана? Коррекция развития человечества. Степень необратимости? Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Классика. Дальше.

4. Драги 19 и 20, тестовая задача. Инициализация успешна. Молчание. Побочный результат, пугающий эффект. Вспышка? Кошкин отдает приказ. Воздействие.

Веслов обвел «**1**» двойным кружком.

— ...Двадцать минут назад над Луной закрыл вектор «Эль Сонбати», и я уже сейчас могу подтвердить — запуск кластера «Райда» отложен! На восемнадцать месяцев! И это в лучшем случае! Думаю, не надо напоминать о том, к чему это приведет... боюсь, уже привело, не сомневаюсь. И это, к несчастью, далеко не все...

Зал молчал. Справа и сверху тянул, пожалуй, чересчур свежий воздух, Веслов смотрел в затылки собравшихся, сидящий на ряд ниже потер шею. Цензор демонстративно налил в стакан воды. Осень в Чунцине.

Двадцать минут как «Эль Сонбати» взошел над Морем Спокойствия, бессветный, безжизненный, экипаж и пассажиры в восьмиминутной смерти, навигационные машины холодны смертью, приводы опрокидывания остывают, выполнив чудовищную работу, движение потерялось в зацеплениях тысяч сведенных шестерен, редукторов, балансирных валов, конусов, сочлененных штанг, электронные хорды сжаты; сила, запасенная в сотнях гидравлических колодцев, темна; Δ-титан инертен, черный иней изнанки. Шесть автономных U-турбийонов; стальные сердца, наполненные неуловимой ртутной кровью; хронометры, учитывающие великий разбег; в первый миг восхождения полдюжины механических сердец синхронной систолой сдвинули притертые затворы гидравлических колонн, стал свет, «Эль Сонбати» дрогнул от электрической волны, и секунду спустя черный иней испарился с его чешуйчатых бортов, боков, дифферен-

циальные машины, системы контроля и управления, и контуры стазис-машин запустили протокол реанимации, второй миг, и смерть сменилась жизнью, пассажиры воскресли в сапфировых саркофагах, усталые от смерти, растерянные, оглохшие.

Жажда.

Бортовые системы отправили к Земле импульс-доклад.

Запуск кластера «Райда» отложен.

Цензор хорош, думал Веслов. Более чем. Что закономерно. Вряд ли прислали бы заурядного, подвернувшегося вдруг. Паузы, пузыри, акценты, моторика, цензор легко держал внимание зала, Веслов, ценивший игру, пытался вспомнить, но вряд ли, вряд ли они встречались, видимо природное мастерство. Талант, артистизм, школа из старых, хитрости, передаваемые от отца к сыну, фамильный кунст, мастерство, «Мастера», умелый фастлит, в терминале Лунной базы в ожидании старта за столом кафе встречаются пятеро. Вектор привычно задерживается, пассажиры скучают, знакомятся, играют в шахматы, беседуют, обедают, отдыхают. В колониальных мирах не хватает специалистов, открыт набор желающих, любой землянин, обладающий ценными профессиями, может внести свой вклад в освоение ойкумены, все пятеро идут на Диту.

Первый — гравер. На Дите открывают линию по сборке м-блоков, редкое производство вне Солнечной системы, наладчики востребованы.

Второй — геолог. Геологическая разведка производится автоматически, однако разведывательным автоматам по-прежнему не обойтись без операторов.

Третья — смотритель универсальных ботов, универсальные боты нужны всегда, везде.

Четвертая — воспитательница, их не хватает даже на Земле.

Пятый — потомственный грумер. Остальные недоумевают, зачем на Дите грумер, на Земле эта профессия не востребована, и что это за профессия, собственно, что делает грумер?

Выясняется, что основным достоинством и определяющим качеством высококлассного грумера являются тонкие и сильные пальцы; в подтверждение этого грумер демонстрирует пальцы — длинные, с болезненно крупными узлами суставов.

Грумер озадачен не меньше прочих, он утверждает, что по его данным популяция собак на Дите крайне невелика, и по большей части это собаки короткошерстные, охранных пород, их задача отпугивать местную разновидность суслика, безопасную, но крайне зловонную и назойливую, быть компаньонами. В груминге эти собаки не нуждаются, зачем нужен грумер на Дите? В крайнем случае, третья согласна, можно настроить на груминг любого универсального бота.

Собравшиеся коротают ожидание вектора размышлениями, догадки строятся самые невероятные.

— Повторяю — катастрофа!

Решительно, выступление цензора походит на хаул, думал Веслов. На скверный хаул, составленный равнодушным тугоухим хаулером, одномерный, плоский, строки смяты, обращены в смысловой прот, небрежно рассыпаны, рифмы нарочито нелепы, квазирифмы заставляют сомневаться, автор маскирует неумение неумением, которое якобы неслучайно — самая грубая форма пренебрежения и пошлости, ломающая грань между хаулом и сообщением, полемической колонкой в еженедельном журнале, цензор продолжил:

— Расследование продолжается, и с прибытием «Сонбати» мы получили очередной массив данных, зафиксированных регистраторами сателлита «Заря». Аналитическая группа работает над восстановлением и расшифровкой, но на подготовку последовательного

отчета потребуется некоторое время. Однако уже сегодня мы имеем копию реестра запросов, поступивших с планеты, включая запросы с личного терминала командера Кошкина. Пока же я, как цензор специальной комиссии Мирового Совета, позволю напомнить к каким катастрофическим результатам привела, я искренне надеюсь, всего лишь ошибка старшего координатора кластера «Юта»...

Веслов не хотел слушать напоминание, он слушал его вчера, и четыре дня назад, как и все в зале, перечень на шести листах, Рихтер вынимал его из угловатого портфеля и скрупулезно, делая в нужных местах выгодные паузы, зачитывал.

Люта закатила глаза.

Интересно, пересекаются ли цензор-интенции и сцена-интенции, как часто, наверняка пересекаются, отец-цензор — сын-трагик...

Люта отвернулась. Присутствовал Хиггис, подавленный, заикающийся, с алым гладким ожогом на левой щеке. Присутствовала Арина.

Не слушать нельзя, цензор проникновенен, убедителен, безусловно, пересекаются.

Люта присутствовала на заседании общественным голосом. Веслов не сомневался, что мотивы Люты вполне плотоядны, но, несмотря на это, Веслов был благодарен, Люта своя. Кроме Люты, Хиггиса и Арины знакомых в зале заседаний не было, две трети действительных членов Мирового Совета, машинисты драг, сожженных на Бенедикте, техники по обслуживанию м-блоков, сожженных на Бенедикте, аналитики массивов, сожженных на Бенедикте, строители, оторванные от своих баз магистры высшей эвристики, растеряные лишившиеся инструмента философы из Академии Наук, синхронисты из Института Пространства, педагоги, астрофизики, кибернетики, около полутысячи человек, растерянных и усталых, родственники сожженных на Бенедикте.

Рихтер начал зачитывать, Рихтер, как цензор, был упрям и повторял перечень всякий раз, когда с Бенедикта восходил очередной звездолет с обновленными данными, сегодня — «Сонбати».

— ...Потерян тяжелый терраформер «Ворга». Через пять секунд после воздействия по кластеру «Юта» реакторы терраформера утратили стабильность, «Ворга» разрушилась, часть обломков сошла в северный океан планеты, часть растащило по орбите. Пять членов экипажа, шесть десантников Службы экстренного спасения — одиннадцать человек погибли!

Веслов закрыл глаза, ему нравилось «воздействие».

— ...Иван Кастырин... Доминик Фагундо... Скай Молина...

Ивар Белов. Тиль Людвиг. Владимир Рогов. После каждого имени цензор делал паузу. Ринат Валитов. Петр Озеров. Отто Шенбург.

Впрочем, Кошкин был точнее: «непредвиденная динамика».

— ...Настойчиво призываю не поддаваться манипуляциям! — крикнула Люта. — Всем присутствующим ясно, что между действиями координатора Кошкина и гибелью «Ворги» нет ни прямой, ни косвенной связи! Прошу обратить внимание на то, что расследование обстоятельств, связанных с гибелью «Ворги», не является задачей комиссии, цензор Рихтер злоупотребляет полномочиями...

Иван Легкоступов. Гийом Леру.

— Непосредственно в момент воздействия на планете погибли пятеро: старший координатор кластера Лаврентий Кошкин и операторы эвристических комплексов Виктор Тюкин, Адам Драйман, Микаэл Герцман, Кайл Остен.

Хиггис чесал щеку. Теперь это навсегда.

— ...Уничтожены двадцать четыре эвристические машины. Двадцать две драги в кластере «Юта», две драги в крэдле «Проказы Кастора», уничтожены! Порядка двух-

сот тысяч блоков памяти. Поселок кибернетиков, инфраструктура кластера, включая стартовый комплекс, рассчитанный на прием дальних грузовых звездолетов, железнодорожная ветка, энергетические объекты, система приборного наблюдения, вспомогательная техника. Строительная техника. Сотни универсальных ботов. Двадцать шесть реакторов, служивших источниками энергии для кластера. Поверхность острова Восточный сплавлена на глубину до восьми метров, распылены все биологические структуры, ландшафт первично терраформирован...

Воздействие. Лиловое пламя превращает плоть, камень, воду в соль, кровь становится паром, ветром.

Четвертый малый зал занимал несколько уровней здания Совета и напоминал Веслову горный склон, по которому текла река, три рукава, сливающиеся перед тем, как сорваться в бездну. Там, где обычно образуется ванна Мефисто, располагался стол Председателя, от которого в стороны и вверх разбегались столы комиссии, Веслов сидел за крайним левым, семнадцатый ряд.

— ...Звездолет «Проказа Кастора» снят с эксплуатации из-за серьезного, возможно необратимого, разрушения навигационных машин, возникшего вследствие экстренного старта. Масштаб повреждений уточняется техниками, в настоящее время корабль выведен на орбиту Бенедикта. Возможность возвращения его в сектор Сол невелика, так...

Сверился.

— ...Судя по информации, полученной мною только что, повреждения навигационных систем не оставляют надежды на оптимистический прогноз! С высокой долей вероятности я могу утверждать, что техники Академии Циолковского будут рекомендовать реконструкцию «Проказы Кастора» в орбитальную базу. То есть мы потеряли еще и звездолет...

Четвертый зал, сорок восьмой этаж, Чунцин, город терялся внизу, прятался среди зелени и воды, и четвертый

день Веслов не мог понять, есть ли город вовсе. Башня Мирового Совета упиралась в небо, и Веслову хотелось верить, что внизу ничего нет, облака.

— Выведен из строя дальний грузовой звездолет, — повторил Рихтер. — Хочу подчеркнуть — специально оборудованный для перевозки эвристических комплексов. Один из трех! То есть у Земли остались лишь два корабля, способных выполнять такие операции. Кроме того, сожжен результат последних девяти дней работы самих эвристических драг!

Веслову не нравился Рихтер. В первый день работы Комиссии перечень звучал иначе, Рихтер зачитывал его с сочувствием, однако с каждым днем цензор менялся, и теперь, как казалось Веслову, он обновлял перечень с избыточной страстностью.

— Данные потеряны, — повторил Рихтер. — Уничтожены.

Хиггис.

— Данные сохранились на «Заре», — возразил Хиггис. — Весь массив, производимый драгами, ежедневно копируется... копировался на носители сателлита. Данные оттуда легко перенести на м-блоки, они ни в коем случае не утеряны.

— Не утеряны?! Сохранились?! А, позвольте спросить, имеют ли эти обрывки хоть какой-нибудь практический смысл? Некоторые драги работали над своими проектами месяцами — и специалисты в один голос говорят, что восстановить результаты незаконченных исследований невозможно. Так что, администратор Хиггис, да — потеряны! Полгода работы как минимум!

Рихтер выступил из-за стола.

Люта тоже поднялась с места.

Арина сидела.

Хиггис почесал щеку. Над Чунцином дождь.

— Напоминаю, что нам следует держать себя в руках, — объявил Председатель. — Напоминаю, что у нас